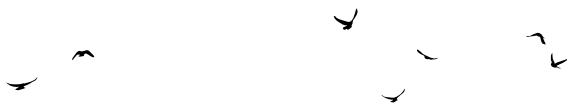

**Читайте мистические
триллеры Альбины Нури
в серии «За гранью реальности»:**

Вычеркнутая из жизни
Пропавшие в раю
Отмеченная судьбой
Очарованная мраком
Плененные тайной
Пятый неспящий
Обреченные на страх
Пассажир своей судьбы
Глоток мертвой воды
Дорога в мир живых
По разные стороны вечности
Черные души праведников
Тот, кто стоит снаружи
Город мертвецов
Плачущий лес
Погребенные за мостом
Тихий дом
Варварин остров
Гиблые земли
Ведьмино поле
За приоткрытой дверью
Сквозь страх
Дети черного болота
Пучина скорби
Бриллиантовый берег

Альбина
НУРИ

**ОЧАРОВАННАЯ
МРАКОМ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Нури, Альбина.

Н90 Очарованная мраком : [роман] / Альбина Нури. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-213214-8

Мама умерла, когда Дина была ребенком. Отец обо-
жал ее, и она не допускала мысли, что когда-нибудь он
променяет дочь на новую жену. Мачеха вызывала у Дины
только неприязнь: лживая, лицемерная Азалия всячески
пыталась настроить отца против нее. А папа, как обычно
бывает в сказках про падчерицу, конечно, не видел, на
какой ужасной женщине женился. После смерти отца
Дину стали посещать пугающие видения и мучить ноч-
ные кошмары. Все вокруг считали, что девушка сходит с
ума, но сама Дина была уверена, что к ее жуткому состо-
янию непостижимым образом причастна Азалия, которая
теперь пытается извести ее так же, как раньше избавилась
от ее отца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нури А., 2025

© Оформление.

ISBN 978-5-04-213214-8

ООО «Издательство Эксмо», 2025

«Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих... Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: «Эге, да это ведьма».

«...В тех же самых чертах он видел что-то страшно пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть...

Рубины уст ее, казалось, прикипали кровию к самому сердцу.

Вдруг что-то страшно знакомое показалось в лице ее.

— Ведьма! — вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы...»

(Н. В. Гоголь «Вий»)

ПРОЛОГ

Всякий раз, когда вспоминаю ту страшную весну, когда перебираю в памяти подробности случившегося, меня мучает одна и та же мысль: могла ли я что-то изменить? Могло ли не случиться то, что случилось?

Раз за разом прокручиваю в голове всевозможные сценарии и варианты развития событий, выискиваю детали и подробности... Но как ни пытаюсь сложить пазл по-новому, мне это никогда не удается.

Иногда так хочется поддаться искушению и убедить себя, что всего этого не было и быть не могло. Но с таким же успехом можно встать на рельсы прямо перед надвигающимся поездом, закрыть глаза и упрямо твердить, что этот локомотив — лишь плод больного воображения. Результат будет один: тебя расплющит в лепешку.

Это действительно было, и было со мной — и от этого никуда не деться.

Но самое ужасное, что ничего еще не кончилось...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Пару лет назад отец произнес фразу, которая навсегда врезалась мне в память:

— В году триста шестьдесят пять дней, — сказал он, — в один из них человек рождается. А потом живет год за годом: триста шестьдесят пять дней, еще триста шестьдесят пять, еще, еще... И не подозревает, что какой-то из этих дней станет датой его смерти. Много раз перешагивает этот рубеж, переживает роковые сутки. Но однажды неизбежно споткнется.

Отец споткнулся о десятое февраля. До весны, которую любил и всегда ждал, он не дожил восемнадцать дней.

Случилось все внезапно. Папа, как обычно, вышел на балкон покурить перед сном. Азалия, его вторая жена, отправилась в ванную, а вернувшись, обнаружила, что мужа до сих пор нет в комнате. Забеспокоилась, стала звать. Выглянула на балкон — а он лежит там. Мертвый.

По крайней мере, так она рассказывала о том вечере всем, кто готов был ее слушать. Врачам со «Скорой» осталось только развести руками, констатировать смерть и выразить соболезнования вдове.

Очарованная мраком

Больше соболезовать было некому: я к тому времени перебралась в крошечную съемную квартирку и жила отдельно.

— Как же так, Наиль? Почему ты так рано ушел? — в сотый раз простонала Азалия и громко всхлипнула.

Тетя Нелли, папина старшая сестра, обняла сноху за плечи, успокаивающе погладила по руке и метнула в мою сторону укоризненный взгляд. Я прекрасно понимала, о чем она думает: сидит, мол, как каменная, ни слезинки. Дочь называется! А Аличка, даром что знала Наиля всего-то год, вон как убивается.

Я и в самом деле будто окаменела, покрылась ледяной коркой. Сидела, покачиваясь в такт движению автобуса, и не могла ни пошевелиться, ни вымолвить хоть слово. Даже дышать удавалось с трудом, мелкими, короткими рывками.

— Ничего, дорогая, ничего, успокойся, не плачь. Нельзя так, нельзя, — тихо шептала тетя Нелли, то и дело поправляя сползающие на нос очки. — Хорошо, хоть последний год жизни Наиль был счастлив благодаря тебе.

Азалия кивнула, мученически улыбнулась сквозь слезы и аккуратно промокнула глаза кружевным платочком. Женщины склонились друг к другу, словно попугаи-неразлучники, чуть лбами не стукнулись.

На мачехе была длиннополая норковая шуба и элегантная черная шляпка с траурной вуалью. И когда только успела купить?

Мы ехали в катафалке, сидя друг напротив друга, как генералы двух враждующих армий. Между нами

АЛЬБИНА НУРИ

лежал отец, закутанный в покрывала. Гроба не было: папу хоронили по мусульманскому обычаю. Я тупо смотрела на прикрытую куском плотной ткани мумию у своих ног и не могла заставить себя осознать, что *это* — действительно он.

Мой отец. Единственный родной человек на всем белом свете. Разве мог он уйти вот так, не сказав на прощание ни слова?

Зима в этом году была необычайно снежная. «Мело, мело по всей земле, во все пределы...» — всплыли в памяти знаменитые строки. Вечно у меня так! Хорошо ли, плохо ли — на уме одни стихи да романы. Мечты и иллюзии, полный отрыв от реальности. Всю жизнь читала, грезила... А отца уберечь не смогла.

Наконец автобус доехал до кладбища и остановился.

К могиле нужно было пробираться по узкой, протоптанной могильщиками тропочке между надгробьями. Снегу — почти по пояс. Все шли гуськом, след в след.

Я едва переставляла ноги в коричневых сапогах на два размера больше, чем нужно: моя собственная обувь осталась дома, в папиной квартире. Татьяна, соседка снизу и моя старшая подруга, чуть не силком стащила с меня замшевые коротенькие ботики:

— Совсем сдурела! Это все равно что босиком! Через пять минут ноги отморозишь!

— Да у меня нет других, — попыталась я отбиться от нее.

Какие сапоги? Какая разница?

Очарованная мраком

— Зато у меня есть, — отрезала Татьяна. — Надевай!

— Велики же...

— Главное, не малы! Носки дам, наденешь и пойдешь. Без разговоров!

С Татьяной всегда так: легче уступить, чем спорить. Пришлось натянуть и толстые носки, и сапоги, и теперь мне казалось, что на ногах у меня тяжелые кандалы. Я волочила их за собой покорно, как каторжник.

Похоронная процессия черной змеей вилась от аллеи к разрытой могиле. Вместе со всеми я продвигалась к ней ближе и ближе. Жирные вороны, похожие на чернильные кляксы, примостились на голых ветках, поглядывая умными глазами на вереницу людей.

Народу пришло много. Папиных коллег, деловых партнеров и некоторых приятелей я знала в лицо, хотя и не всех помнила поименно. Они подходили ко мне, что-то говорили тихими печальными голосами. Некоторые неловко, торопливо совали мне деньги, точно стеснялись чего-то. Чего? Того, что они живы и здоровы, у них все хорошо и спокойно, а я хороню отца?

Родственников у нас мало. Из маминых и вовсе никого не осталось. Дедушка и бабушка, мамины родители, умерли вскоре вслед за ней. В тот же год. Не смогли пережить смерть своего единственного ребенка.

Папины родители тоже умерли, осталась только сестра, тетя Нелли. После института уехала по распределению в Екатеринбург, тогда он еще назывался Свердловск, — да там и осталась. Вышла замуж, роди-

АЛЬБИНА НУРИ

ла сына и дочь, так что у меня есть двоюродные брат и сестра. О которых, впрочем, я знаю куда меньше, чем об известных актерах или телезвездах. Любой, кто хоть изредка смотрит телевизор или пользуется Интернетом, в курсе их дел. А Лена и Саша живут и живут себе за Уральскими горами. Что там с ними происходит? Если честно, я даже не помню точно, сколько им лет.

На похороны брат с сестрой не приехали, их отец тоже. Да и к чему им приезжать? Чтобы посмотреть, как тело чужого им человека опустят в мерзлую глину?

Больше половины пришедших были родными, знакомыми и коллегами Азалии. Они сплоченным коллективом сгрудились возле нее: переминались с ноги на ногу, похлопывали вдову по плечам, утешали, лили за компанию слезы, вздыхали, качали головами. Косились на меня, и я легко читала в их взглядах осуждение вперемешку с жадным любопытством.

Возле могилы стоял папин лучший друг Альберт Асадов, любимый мною с детства дядя Алик. Постаревший, осунувшийся, с трясущимися руками и застывшим взглядом, он выглядел ужасно даже для такого момента. В другое время я бы сильно забеспокоилась, но теперь могла только отстраненно отметить про себя этот факт. На большее меня не хватило.

Жена дяди Алика, Зоя Васильевна, держала мужа за руку, готовая в любую минуту метнуться к нему с лекарствами наизготовку. Вчера вечером у Альберта случился сердечный приступ, и она боялась повторения. Детей у них не было, и они жили, постепенно

Очарованная мраком

врастая один в другого, наподобие сиамских близнецов.

С дядей Аликом папа дружил лет тридцать. Они вместе работали на заводе, в проектно-отделе, вместе ушли оттуда в бизнес, основали архитектурно-строительную фирму «Мастерская Айвазова и Асадова». Теперь фирма тоже осиротела.

Со стороны аллеи, разрывая скорбную кладбищенскую тишину, внезапно зазвучала музыка. Я вздрогнула от неожиданности и споткнулась, ткнувшись носом в спину идущей впереди женщины из свиты Азалии.

«Опустела без тебя земля», — плакала, причитала скрипка. Ее голос словно ввинчивался под кожу, дергая обнаженные нервы.

— Скажите кто-нибудь, пусть перестанет! — не выдержала я.

Выкрик получился хриплым, грубым, как будто я разучилась говорить. Все стали оборачиваться, смотреть в мою сторону, как вороны с веток.

Мужчина в солидной коричневой дубленке, кажется папин бывший одноклассник, протиснулся к аллее и начал что-то говорить рокочущим начальственным басом. Музыка резко смолкла.

— Человеку тоже зарабатывать надо, — проговорила женщина впереди, не успев понизить голос.

Конечно, а как же...

Спустя примерно час все было кончено. Возле могилы не осталось никого, кроме меня. Я сидела прямо на снегу, глядя на черный гранитный памятник — мамин. Отец всегда хотел быть похороненным возле нее. Азалия заикнулась было о новом кладбище

АЛЬБИНА НУРИ

за городом, но тут решительность проявила тетя Нелли: она помнила папины слова на этот счет и хотела исполнить его волю.

Теперь папа с мамой навсегда вместе. Им отворились двери в вечность, и они знают самую главную тайну, ту, что открывается только после смерти.

Сознание неизбежного одиночества и оглушающее, тяжкое горе вдруг тонким клинком воткнулись в мой измученный мозг, и я наконец заплакала. А начав, не могла остановиться. Скорчилась на истоптанном снегу и выла, как потерянная собачонка, захлебываясь слезами.

В голове вспыхивали и гасли обрывки мыслей.

Папы нет и больше не будет. Он никогда не придет. Не спросит, как дела. Не засмеется. Не произнесет громко в телефонную трубку свое всегдашнее: «Да, слушаю». Не обнимет. Я не услышу его голоса, не поцелую в колючую щеку, не почитаю своих стихов. Никогда не смогу сказать ему, как сильно люблю, и не сумею попросить прощения. И он не ответит мне: «Брось ты, это же такая ерунда в масштабе жизни».

У него больше нет этой жизни. Наверное, и даже наверняка, есть другая, но этой-то точно нет. И масштабы у него теперь совсем иные. Мне до них не дотянуться.

Я любила отца какой-то суеверной любовью, как язычник, припадающий к своему деревянному идолу, и всегда, всю свою жизнь боялась потерять его. Ведь он был моим миром, моим другом и соратником, и я никогда не мыслила себя в отрыве от него. Мне казалось, мы спаяны навечно, и если его не будет,

Очарованная мраком

в этот же миг не станет и меня. Все было стабильно, справедливо, правильно при одном условии: папа — в пределах досягаемости. Даже когда мы отделились друг от друга в прошлом году, он все равно — был.

А сейчас, когда его не стало *окончательно*, я каждую секунду ощущала жуткую, неисправимую пустоту. Как можно приучить себя жить с такой дырой в сердце? Это похоже на ампутацию части души. Оторванная часть ныла и дергалась, заставляя меня мучиться от фантомной боли.

Я плакала и плакала, но слезы не приносили облегчения, только делали больнее, рыдания царапали, рвали горло и душу.

ГЛАВА 2

Мама умерла, когда мне было четыре года. Самое яркое и четкое детское воспоминание связано как раз с ее смертью: я помню, как папа, стоя на коленях, обхватил руками гроб, и плечи его тряслись от рыданий.

Я почти не помню маму — так, чтобы самостоятельно, своей собственной памятью, а не по фотографиям и папиным рассказам. И в этом заключается весь ужас и огромная несправедливость. Помню свою безграничную любовь к маме, но не ее саму! В памяти осталось ощущение заботы, тепла и покоя, мягкость светлых пушистых волос и невыразимо уютный и родной запах. Никогда не признаваясь в этом отцу, зная, как больно будет ему это услышать, я всю жизнь

АЛЬБИНА НУРИ

тосковала по маме. Практически не помнила ее присутствия, но остро ощущала отсутствие.

У нее обнаружилось редкое страшное заболевание — рассеянный склероз. Последний год своей недолгой жизни она провела в Москве, в больнице. Мы с папой приезжали туда навестить ее, когда врачи разрешали.

Мне вспоминается палата с тремя койками, раковина в углу и то, как солнечные лучи косыми полосками лежали на желтом линолеуме. От этого пол нагревался: получалась одна полоска теплая, другая прохладная. Я ходила по полу в одних носочках и ступнями ощущала то тепло, то холод.

Мама прижимала мою голову к своей груди, целовала в макушку и что-то говорила, теперь уже не вспомнить, что именно. Однажды я почувствовала, как на руку мне упала теплая капля, подняла голову и обнаружила, что мама плачет. Никогда раньше я не видела, чтобы кто-то из взрослых плакал! Так растерялась, что тоже заревела.

Потом, когда стала чуть старше, я спросила отца, почему мама тогда плакала: ей было больно? А папа ответил, что нет, она рыдала вовсе не от боли. Маме было страшно.

— Она боялась умирать? Умирать страшно? — с детской прямоотой поинтересовалась я.

Отец помолчал минутку, а потом ответил:

— Нет, дочь, я думаю, пугает не смерть сама по себе. Мама ведь просто ушла в иной мир. Люди не исчезают бесследно, они уходят туда, где мы уже не можем их видеть. Но они видят тех, кто остал-